

ИВАН КАРАСЁВ

Деревенские рассказы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ИВАН КАРАСЁВ

Деревенские рассказы

«Автор»

2026

КАРАСЁВ И.

Деревенские рассказы / И. КАРАСЁВ — «Автор», 2026

Разные люди живут в деревне Попадьино. Живут, работают и умирают в этом краю лесов и озёр. А казалось бы, тут жить да жить: красивейшая природа, одни бесподобные закаты чего стоят, грибы, ягоды и рыбалка. Но нет, людей всё меньше. Зато летом, когда приезжают дачники, жизнь оживает и деревня просыпается от зимней спячки. Даже из Америки гости навещаются, а вот зимой в ней всего пять человек проживает. А когда-то была даже начальная школа. И таких деревень на Псковщине и в России десятки тысяч.

© КАРАСЁВ И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОПАДЬИНО	5
ИЛЬИЧ	14
ВИТЯ ВОЛЧОК	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Деревенские рассказы

ПОПАДЬИНО

В Псковской области не меньше восьми тысяч деревень. Считается, что по их количеству она занимает второе место в России после Тверской. Но Тверская область больше и по площади, и по населению. Людей на Псковщине живёт примерно, как в Ярославле, например, да и то половина жителей приходится на две местные столицы — Псков и Великие Луки. Есть ещё городки поменьше, а в деревнях осталось уже совсем мало народа — тысяч сто восемьдесят.

Деревень много, а народа мало, эта деревенская «раздробленность», наверное, самая внушительная в стране. Нигде, кажется, нет такого количества маленьких, в десяток домов, поселений как здесь, на Псковщине. Это не хутора с одной-двумя усадьбами, появившиеся в эпоху столыпинских реформ, нет, именно — маленькие деревеньки. Из окна машины их даже трудно заметить — редкие домики могут прятаться за одичавшими садовыми деревьями или буйными зарослями кустарника. Когда едешь из Питера по Киевскому шоссе, то такую картину наблюдаешь все 370 километров от Ленинградской области до границы с Белоруссией. Кроме окраин Пскова, путь твой проходит еще через четыре городка и затерянные среди лесов, озёр да заброшенных полей деревни.

Только название очередного селения на синей табличке предупреждает автомобилиста о возможности появления одинокого пешехода на дороге. Пассажиру ещё удаётся присмотреться повнимательнее. Он кое-где замечает едва проступающие среди зелени покосившиеся крыши старых домов и сараев, а иногда и полностью развалившиеся избы. Их сложившиеся как картонные коробки стены — живой укор людям, забросившим эти места. Новых домов почти нет, а, если и «выскочит» вдруг где-то среди общего запустения красивая, сверкающая красной металлической крышей и ярко выкрашенной вагонкой постройка, то чаще всего она окажется придорожным кафе или мотелем. В деревнях вдоль дорог даже дачники редко селятся: шум, пыль, машины — плохой аргумент при выборе места для уставшего от суеты горожанина. В старые времена Белорусский тракт, напротив, притягивал население. Свидетельства тому кое-где сохранились — полуразрушенные купеческие дома и одинаковые, построенные по единому проекту, каменные здания почтовых станций со стрельчатыми арками над окнами. В старину даже типовые проекты были привлекательными. А сейчас там, в лучшем случае, волостные учреждения или почта, но по большей части они заброшены и медленно разрушаются.

В нашей деревне под названием Попадьино, ничего такого нет, да и домов-то всего двенадцать штук. самого поселения именно на этом месте, вроде бы, не существовало, оно немного «сползло» в сторону после войны, когда колхозники разобрали построенные рядом с пепелищами их отцовских изб добротные немецкие блиндажи и по соседству стали возводить из тех же бревён свои тесные жилища. В сорок третьем году фронт стоял здесь несколько месяцев, и по нашу сторону озера были немецкие позиции. На противоположном берегу тогда окопались части Красной Армии. А в сорок первом в окрестных лесах немцы окружили две советских дивизии. Они хорошо попортили кровь захватчикам под Полоцком, но приказ на отступление запоздал. За насыпью Киевского шоссе в двух километрах от нашего Попадьино, отступающих ждали немецкие танки. Некоторые пытались прорваться и усеяли своими телами придорожные поля. Совсем недавно были живы бабушки — свидетели этой трагедии, в те годы ещё девчонки. Я читал их свидетельства в интернете. С неделю гоняли солдаты Вермахта красноармейцев по лесам, бомбили, обстреливали артиллерией, а бедолаги наши уже оголодали, боеприпасы поистратили, и пошли в плен, деваться некуда.

Покойный сосед, Михаил Ильич, которому летом сорок первого шёл девятый год, рассказывал, как на поле около дома родителей сидели в ожидании этапа сотни бойцов, а все

леса были забиты брошенными автомобилями и оружием. Деревенские пацаны тайно вооружились, их даже взрослые стали побаиваться. Детишки помельче собирали в зарослях деревьев командирские планшеты. В них находили самую большую тогда для детского досуга ценность — карандаши, в каждом планшете был всего один карандаш. Юный Миша Дегелев преуспел в этом деле — насобирав их штук двадцать, ими можно было обеспечить командный состав целого батальона РККА.

Оружие и боеприпасы находят в земле до сих пор. В девяностые годы двое подростков выкопали в заболоченном лесу автомат ППШ. Дома старший залез на печку и стал разбирать его, тут неожиданно грянул выстрел — в канале ствола оставался патрон. Слава Богу, никто не пострадал. Сорок с лишним лет оружие пролежало в болоте и сохранило свои боевые качества! Наверное, американские аналоги на такое не способны. Эту историю я узнал случайно, от их отца — моего знакомого. Можно себе представить, сколько похожих случаев было в окрестных местах. Нам тоже довелось совершить одну подобную находку.

Году в четырнадцатом, весной, мы вывели детей в поход к заброшенной деревне (таких здесь хватает). До точки назначения не дошли, детишки заныли, им стало неинтересно, они не такое видали по телевизору и в интернете. Зато по дороге, в нескольких метрах от нашей тропки, заметили выкопанную «искателями» миномётную мину. Как эти люди не боятся манипулировать такими вещами, я не знаю. Мина лежала на свежей кучке земли, головная часть смотрела вверх, а стабилизатор уткнулся в землю. Полное впечатление готового к выстрелу боеприпаса. Казалось, вот-вот и мы взлетим на воздух. Мину аккуратно обошли стороной. МЧС не вызвали, это ведь целая история, а мы приехали только на несколько дней. Соседей, конечно, оповестили. Смертоносная находка лежала на земле слишком заметно, чтобы её можно было не увидеть, а по ночам у нас никто не ходит. Ну, мы всегда так живём, как сказал Высоцкий. Только вот летом мины и след простыл. Куда она попала? На Украину? Вряд ли. В том же году в нашем районе одна семья, муж с женой, подорвались на противопехотной мине. Оба погибли. Здесь и такое бывает. Грибники и рыбаки — люди рискованные.

Вообще, иногда складывается впечатление, что местный народ особой закалки. Им ничто нипочём, могут жить без света, который выключают в каждую грозу, и включают заново лишь пару дня спустя, без газа из трубы, которой у них не было никогда, а воду, в лучшем случае, берут из колонки. Городской житель, приезжая сюда, не устаёт удивляться: как они целый год топчут тут грязь, скачут через ямы, ведь дорог в современном понимании этого слова тоже нет; как живут тут всю зиму одни, практически отрезанные от всего мира? А местные дивятся на городских, устраивающих трапезу во дворе и столующихся на солнце — и не лень им таскать всю еду с кухни, куда проще поесть прямо там, на маленьком столике возле плиты. Готовишь — и тут же ешь, даже носить тарелки не надо, наливаешь суп прямо из кастрюли в миску, которая рядом стоит. А ещё дачники почему-то прорубают окна с северной стороны, из каких это соображений, оттуда же весь холод идёт? Ну хочешь ты на озеро посмотреть, так выйди на крыльцо и любуйся, подумаешь, красота какая? Александр Македонский тоже был великий полководец, только зачем хату студить?

А чего сто́ит их другая причуда — ловля рыбы не сетями, а удочками — пустая трата времени, сколько там поймает? Чисто детская забава, игра в бирюльки, то есть в поплавки-крючки. То ли дело — поставил вечером сеть, утром проверил, и в ней рыбы на несколько дней. Хотя рыбёшка здесь по большей части мелкая, крупная не успевает вырасти благодаря профессионализму здешних рыболовов, всю вычерпали сетями. Рыбнадзор в райцентре имеется, но в округе не меньше сотни озёр, инспектора успевает проверять только крупные водоёмы, наши к таковым не относятся. А ещё городские не мусорят повсюду, как те, что приезжают из Невеля за щукой, наоборот, чужие бутылки собирают и увозят. Хотя куда проще закопать всё в яму. Наполнится одна, выкопай другую, и так до бесконечности, а когда уж сил не хватает по старости, то не стыдно отнести в ближайшую дикую свалку в лесу.

Образ мышления тоже сильно отличается. Местный может вдалбливать дачнику какую-нибудь простую вещь, а тот своим городским умишком никак уяснить не может. Так я несколько раз пытался понять, как найти руины старой усадьбы помещика Пучкова. И каждый раз мой знакомый удивлялся:

— Ну как же ты не видишь?! Мимо Кузнецовицы проходил? Где ручей впадает в неё?

Кузнецовица — это одно из местных озёр, что характерно, слово женского рода, ещё у нас имеются Пучковица, Тиновка, Остива, Водача. Видимо, озёрная этимология окрестных мест берёт за основу понятие «Вода» — пучковская вода (по барской деревне) — Пучковица, вода с обилием тины — Тиновка, глубокое озеро — Водача.

— Ну, проходил!

— Дальше по дороге поднимаешься выше, поворачиваешь по тракторному следу.

— Поворачивал!

— Так там на горке кирпич повсюду битый лежит, то и есть усадьба!

Лет сорок назад, может, и лежал. Видимо, в голове моего собеседника отпечатались воспоминания далёкого детства, хотя бывает он в том месте регулярно. Потому что когда я, наконец, нашёл «развалины» усадьбы, то никаких развалин уже не было и в помине. Место бывшего помещичьего дома помог определить бугорок, еле заметно торчавший неподалёку от дороги. Лишь поковырявшись в земле, я откопал несколько обломков старого, клеймёного кирпича. Возможно, когда-то они были видны с дороги.

Или вот захотелось мне найти дорогу на Пучковицу, где раньше стояла исчезнувшая деревня Пучково. До недавних пор так называлась и остановка на шоссе в двух километрах от нас и на таком же расстоянии от Пучково. Рядом раскинулись два больших по местным меркам поселения, но когда-то, наверное, после войны, автобусную остановку называли по бывшей барской вотчине. Не из уважения ли к изгнанному из неё помещику?

Сосед Витя всё знает про окрестности:

— На поле за наше озеро выйдешь, там, у одинокой яблони справа лес повален.

Как рядом с одинокой яблоней может быть лес — загадка не для средних умов.

— А где та яблоня?

— Так я ж тебе говорю — одинокая!

На поле за нашим озером, есть отдельно стоящие берёзы, яблони не нашёл, возможно, была когда-то, а может, жива до сих пор. Только не одинока.

Местные и говорят по-другому, это не чисто русская, московская речь. Здешние края присоединили к России лишь при Екатерине Великой, при первом разделе Польши, вместе с Витебском и Полоцком. К Витебской губернии они относились и до двадцатых годов прошлого века. Поэтому речь наших деревенских соседей больше напоминает белорусские говоры, мало общего имеющие с искусственным официальным белорусским языком, придуманным ополченными интеллектуалами — Дуниным-Марцинкевичем и компанией. Причём придуманным так, чтобы он по максимуму отличался от великорусского. Наверное, поэтому на нём никто и не говорит в быту. Мне иногда сложнее понять этимологию какого-нибудь белорусского слова, чем его польского синонима.

Вот так, разговорная речь у нас почти не отличается от говоров в северной части Белоруссии. Однажды, где-то в районе Молодечно, в посёлке Алехновичи, я был поражён почти стопроцентным сходством интонаций тестя моего двоюродного брата с манерой произношения того самого деревенского знакомого, что мне местонахождение барского дома объяснял. Фонетика тоже белорусская, её ещё можно услышать в наших деревнях — оглушённое «в» становится не «ф», как в правильном великорусском, а, скорее, укороченным «у», «р» и «ч» всегда твёрдые, а «г» раскатистое, фрикативное. Слово «причём» будет звучать так: «прычом». Я уже не говорю про такие словечки, как «ён» (он), «хата», «куплял», «г(х)арод» (огород),

«шастог(х)а» (обязательно с гортанным южным «г», во избежание недопонимания перевожу — это значит «шестого»).

Ну и, конечно, речь наших соседей обильно «удобрена» ненормативной лексикой. Присутствие женщин и детей не является непреодолимым препятствием для её использования. Нет, ребёнку или городской женщине (своя жена не в счёт) никто не скажет нецензурного слова, но если говорящий обращается не к ним, а к стоящему рядом мужчине, то тут уже вовсю чешут «по матушке». И это, естественно, не ругательства, а способ передачи мыслей. Некоторые не матерятся, например, сосед-молочник, зато практически после каждого слова у него следует предлог «на», сокращение известного выражения: «Возьми на...», «Одень на...», «Паг(х)ода нынче соусом какая-то на...». Как-то захожу к Серёге поздороваться после приезда и тот не преминул блеснуть лаконичностью:

— Ааа, приехау на...

— Ну как ты говоришь, вот так и приехал на..., — пошутил я, и моя шутка была оценена — Серёга улыбнулся.

Ещё интереснее оказался один его разговор с моей женой. Он её инструктировал на предмет хранения парного, ещё тёплого, молока перед дальней дорогой, чтобы оно лучше перенесло пятисоткилометровую тряску в машине:

— Надо яг(х)о у халадильник на, поставь его на...

Супруга моя стала уточнять:

— Так в или на холодильник?

— Ну, у халадильник на...

Всё ясно, так и сделали, поставили «в», и молоко успешно доехало до Питера.

Не припомню, чтобы Серёга обращался к кому-нибудь по имени или ещё как. Нет, у него всего одно обращение: «ты». Да ему и не надо, больше двух человек одновременно он видит только у автолавки.

Вообще Сергей довольно интересная личность. Он кормит себя и мать, которая болеет уже лет десять и давно не встаёт. Вне зависимости от погоды, при температуре выше нуля одевается он всегда в одну и ту же одежду — камуфляжные штаны, какая-то неопределённого цвета рубаха и плотная матерчатая грязно-коричневая курточка. Только в самую жару может её скинуть, да и то, если мешает косить. Но к приезду автолавки Серёга обязательно приоденется, можно сказать, на нём парадный костюм с тщательно подобранными аксессуарами — брючки попримечнее и сшитые из одного материала в еле заметную клеточку куртка, кепка и авоська. Правда, штаны всё так же будут заправлены в резиновые сапоги. Выход к автомагазину для него равносителен поездке в город, там ведь он бывает только в исключительных случаях, коровы не отпускают.

Серёга продаёт молоко своих двух бурёнок, ещё и бычков держит иногда, тем и живёт. У матери пенсия маленькая, но прибавка к доходу от молока существенная. Плюс картошка, огурцы и яблоки свои. Товарно-денежные отношения в нашей деревне не очень развиты, не всё считают в деньгах. Тот же Сергей-молочник, имея своих забот полон рот, может прийти помочь выкосить траву около нашего дома. Когда приезжаем на лето во второй половине июня, к дому-то и подобраться пешком трудно, столько вырастает зелени дикой, и на первые дни я превращаюсь в не очень-то умелого косаря. Конечно, сено потом Сергей заберёт для своих коров, но ведь я и так бы ему отдал, куда оно нам? Только возня лишняя и ненужная со стожками.

У другого соседа, Вити, пытался я купить косу, у него в хозяйстве их почти десяток имелся. Раньше косарей хватало в семье: все, кто приезжали из города, помогали косить, для каждого — своя коса, а нынче ему столько инструментов ни к чему. Вот я и подошёл к Вите с просьбой, продай, мол, одну косу, а то на рынке неизвестно что купишь. Витя не то чтобы ломался, продавать не хотел, а не знал, как ему поступить. Денег от меня он никогда не брал. Я мог зайти за пучком свежего лука, тогда, выдав мне в три раза больше, чем просил, они

с женой ещё добавляли: «А когда надо, вон оттуда сам рви». Поэтому я и обращался к ним только в крайнем случае, неудобно всё же. Вот и насчёт косы Витя подумал, что сейчас буду ему купюры совать. Но я представлял себе его реакцию, посему на деньгах не настаивал, а на следующий день привёз из города большущий торт с ягодками. Витины внуки уплели гостинец за один день. Такой вот у нас натуральный обмен бывает. Потом Витя ещё учил меня косить, и не потому что обучение входило в стоимость торта. Нет, чисто по-свойски, заодно и скошил львиную долю травы перед нашей хатой.

Народ в Попадьино нас хоть и городскими считает, но всё-таки соседями, нашему приезду довольны — всё ж больше людей. Покойная баба Галя всегда меня напутствовала при отъезде в Питер: «Когда вы в следующий раз приедете? Приезжайте, не забывайте!» Раз мы соседи, то соседям надо помогать. Даже Кравченки, которые в деревне держатся немного особняком, способны на бескорыстные поступки. Отец с сыном однажды нам ставни новые повесили — мне одному было никак. Денег не взяли. А случается, что чуть ли не всем людом выходим на общие дела — купальные мостки починить или сжечь срубленные подряжёнными мною работниками кусты перед озером. Рядом есть деревня побольше, там за пятьдесят домов, и подход у народа уже другой, мы для них просто чужие, из Питера понаехавшие, на которых не грех и деньгу зашибить. Подход вполне понятный и разумный, мы не в обиде, платим, сколько скажут.

Жизнь в нашей деревне размеренная, неторопливая. К этому располагает природа: внизу тихо ласкает берег озёрная вода, больших волн там не бывает никогда; иногда плеснёт разыгравшаяся рыбина — и всё. Вокруг стеной стоят смешанные леса, вековые ели в них соседствуют с молодыми берёзками. Там тишина, только на сильном ветру шумят, колышутся берёзы и клёны, трещат ветками ёлки. Из чащи порой выходят заблудившиеся косули. Может такая красotka и по дороге пробежать через давно проснувшуюся деревню. Местные по ним не стреляют. С южной и восточной сторон приткнулись к домам два небольших поля, там ищут свою добычу хищные птицы, они долго парят в высоте, а, завидя добычу, камнем падают вниз.

Озеро под горкой — ещё одно место охоты, только за рыбой, её ловят чайки. Утки тоже кормятся в воде. С виду они совершенно спокойно проводят время на поверхности водной глади, совсем как любители плавания, отдыхающие на курорте, но вдруг следует резкий нырок, и уточка появляется из воды уже в отдалении, метрах в двадцати. Всё время крейсирования она напряжённо искала в воде свою жертву и, наверное, её настигла. Поохотившись, утки парами взлетают с разгона и, обязательно сделав крутой разворот, совсем как боевые истребители, уходят на другое озеро. А у нас продолжается медленное течение времени — *слышно, как трава растёт*.

И люди участвуют в жизни природы, подстраиваясь под неё, принимают неспешный этот ритм. Тут торопятся только сено ворошить летом, пока его не вымочил очередной дождь, да и то, если лето мокрое. Утро начинается раньше всех у Серёги и у Кравченко, коров доить надо, потом скот выгоняют на поле: Сергей — рядышком со своим участком, а младший Кравченко ведёт коров далеко, почти за километр, там их колхозный пай. Потом начинается шевеление и в других домах — воды наносить, еду приготовить, в огороде покопаться, а нет особых дел, так можно дрова поколоть — они в хозяйстве никогда лишними не бывают. Сосед Витя унаследовал в прошлом году дом мачехи своей жены, Тамарки, как звала её Витина супруга, ухаживавшая за ней до последнего. Всё прошлое лето Витя занимался той хатой — гнилые венцы менял, полы перестилал. Вкалывал в основном один, у зятя работа. Потрудится, посидит — покурит. Если подойдёшь к нему, то и поговорит с удовольствием. В деревне развлечений мало, поэтому общается народ друг с другом по любому поводу и без повода. Нельзя просто прийти и попросить спички, нужно человеку внимание уделить, обменяться десятком фраз, зачастую ничего не значащих. Тем для разговора хватает — погода, урожай картошки, сена, ягод лесных, рыбалка, а то и просто:

— Ну как?

— Да никак! — и так далее.

Людей в Попадьино почти не осталось, поэтому только летом с приездом дачников появляется возможность зацепиться с кем-нибудь за язык прямо на улице. А когда раз в неделю приезжает автолавка — белый ГАЗ с фургоном, то народ пользуется случаем, чтобы обсудить все возможные события и проблемы. Получается своего рода импровизированный сельский клуб, в котором водитель (он же продавец магазина) играет роль первой скрипки. Тут можно, не отвлекаясь от важных дел, поболтать, посмеяться, пошутить с односельчанами.

А ведь многие считают, что единственной формой социальной жизни в наших деревнях остаётся старое «сообразим на троих». В Попадьино живет слишком мало народа, чтобы делать далеко идущие выводы, но пьянство здесь, как явление, можно сказать, изжито. Сильно пьющих людей тут нет, хотя раньше, особенно в девяностые, когда колхоз развалился, и работы не стало, алкоголиков хватало, но все они быстро переселились на погост, заливали внутрь что попало. Одни пили, другие похмелялись, некоторые иногда трезвели и завидовали пьяным, а те хмелили всё больше. Упасть и лечь можно было где угодно, главное, чтоб не зимой.

Вот картинка из былой жизни Попадьино: лежит под ясенем у нашего нынешнего дома хорошенько набравшийся, несмотря на ранний час, Сашка Ворон и на гармошке играет, а тут другой Сашка, Голубев, или по отцовскому прозвищу Монах домой топаёт. Завидно Монаху: он-то трезвый, на бутылку ещё не заработал, и никто не налил, а приятель один веселится да под деревом отдыхает. Слюнки сами текут, так хоть мораль ему прочитайте: «Вот напился и лежит дурак-дураком!» Теперь уже ни того, ни другого нет на этом свете. Доживший до наших дней попадьинский люд или вообще не пьёт, или не злоупотребляет, во всяком случае, по российским меркам. Коллективные посиделки с крепкими напитками устраиваем только мы, дачники, причём желательно со своим самогоном или настойкой, тут у каждого имеются личные достижения. А что касается остальных, то выпить и закусить деревня собирается лишь на очередных похоронах.

Два года назад казалось, что население Попадьино стало, наконец, расти. Сюда переехала на жительство пара горожан — Сергей (уже второй с таким именем в деревне) и Алиса. Оба — люди творческие, Серёжа делает бижутерию с полудрагоценными камнями, Алиса, художник по своему харьковскому образованию, ему помогает. Они устали от постоянного стресса в городе и искали тишины и спокойствия. Договорились о покупке пустующего дома и переехали со всеми вещами. Первое время им нравилось — у нас есть всё, что нужно для душевного отдохновения — тёмные леса и волнистые, изрезанные холмами поля, спокойные озёра, пение лесных птичек, стрёкот кузнечиков вечерами. Алиса ждала ребёнка, он и родился в конце зимы, первое такое событие в нашей деревне лет за тридцать пять, а то и за сорок.

Всё настраивало на оптимистическую волну — новая семья в Попадьино, значит, деревня не вымирает. Только с наступлением холодов восприятие жизни здесь меняется, замирает природа, замирают люди, они реже выходят на улицу: то холодно, то надобности нет. За окном грязь и слякоть или мороз трескучий — не погуляешь особо, а красивые зимние дни в последние годы природа редко дарит нашей земле. Даже выехать в райцентр не всегда возможно — надо самим снег разгрести на последнем куске дороги к дому, немного — метров семьдесят, но работа тяжёлая. Хорошо, избу к зиме ребята отлично подготовили — дрова в достатке, печь вторую поставили, бойлер для горячей воды. Но скучно в зимнем плену сидеть. Иногда заходит Серёга-молочник, посидит, чаю попьёт, скажет несколько обрывочных фраз и молчит. Новости его коров не всем интересны.

К тому же сделка по покупке дома затянулась на неопределённое время, документы на землю оказались не в порядке, переделывание их сулило длительную тяжбу. В итоге, пожив меньше года в Попадьино и родив симпатичную девочку, Сергей и Алиса уехали, оставив хозяйке дома все неотъемлемые улучшения, а нам — приятные воспоминания о добрых сосе-

дах. Купили квартиру в трёхэтажном доме в другой деревне и в другой области. Так провалилась демографическая программа деревни Попадьино.

Люди в деревне потихоньку умирают, четыре свежих могилы на кладбище за последние два года. Осталось только шесть постоянных жителей в трёх домах, в остальные летом обычно приезжают дачники. Кто-то появляется на несколько недель, кто-то, как мы, живёт здесь в тёплый сезон месяца два с половиной, дольше всех, с мая по октябрь, задерживаются Люба с Володей. Они уже на пенсии, дети давно выросли, в городе ничто не держит, а тут, в Попадьино, свежий воздух и свои овощи из огорода. Люба ведёт домашнее хозяйство, выращивает огурцы, кабачки, картошку, нам приносит время от времени дары своего хозяйства, Володя — мастер на все руки, занимается домом и постройками, всем тем, что требует приложения мужского труда, помогает Любе в огороде. Оба постоянно в делах и заботах. Но сил хватает, прожив сезонов пять, переняли у местных промышленные способы вылова рыбы, и теперь недостатка в ней не знают. Каждый день часов в семь-восемь утра дружно идут они к своей лодке, сети и ловушки проверять. В деревне им нравится, старший сын с семьёй каждое лето навещает родителей и включается в трудовой процесс.

Мы купили свой дом в один год с Любой и Володей. Заплатили стандартную цену, по которой в интернете висели десятки подобных объявлений в Псковской области. Правда, формально считавшаяся вдовой Сашки Монаха, последнего постоянного обитателя этого жилища, баба Галя продала его маклеру из райцентра за смешные деньги — тысяч за пятнадцать, полторы коровы по местным меркам. «Так, бабка, дом же маленький, всего-то сорок метров, крыша худая, поправлять надо, веранда совсем развалилась!» — убеждал её жулик. Галя и согласилась, выторговала ещё право продать на дрова никому ненужный уже хлев, а то, что место волшебное, на редкость красивое, с видом на озеро под горой, с высоким полем за водной гладью, за которым открываются ряды светло-зелёных берёз с тёмным строем елей да клёнов, об этом Галя не догадывалась. Её собственный дом, где она жила отдельно от спившегося мужа, выходит на озеро северной стороной, сделанной, как это часто бывает в деревнях, совершенно глухой, без единого окна — с севера зимой дует холодный ветер. Да и к чему ей эти природные красоты, она их просто не замечала. Родилась здесь, другого не видела, дальше районного центра не ездила.

Зато сейчас мы долго можем сидеть и, как учили древнекитайские философы, полностью отдаваться «великой красоте бесконечности». А она во всём. Особенно в закатные часы, когда видишь, как к той многоцветно-зелёной массе деревьев за озером, постепенно снижаясь, пересекая тоненькие ряды облаков, вытянутые вдоль линии горизонта, медленно подплывает солнце. Оранжевый диск светила за считанные мгновения тонет в строю далёких берёз, ясеней, клёнов, елей и сосен, прорезая ярким светом неровные их ряды. Потом ещё долго отсвечивают солнечные лучи в редких полосках облаков, отчего те приобретают нежно-розовую окраску, переходящую по мере удаления от точки, куда провалилось дневное светило, в красную, тёмно-красную, серую и, наконец, мрачную, почти чёрную. Это траур по ушедшему дню потихоньку полонит небо. И вот уже там, где исчезло солнце, начинает синеть ещё недавно такое оранжевое небо. И постепенно самый светлый, уменьшающийся в размерах, красно-розовый кусочек неба перемещается правее, ближе к северу. Но солнце ведь не уходит на север, возразят мне. Уходит, потому что, закатившись на западе, оно должно непременно взойти на востоке и длинные, загребушие лучи его ещё долго вопреки всему облизывают тянущийся к северу горизонт. В такие минуты начинаешь осознавать бесконечную вечность и по-иному ощущаешь жизнь и своё малюсенькое место в ней. Мой друг так выразил это: «В Попадьино очень светлое место. **ОЧЕНЬ**. Я такие штуки очень чувствую. Как и наоборот. Здорово впитывать в себя солнце. Здорово просыпаться вместе с весной. Здорово просто быть... Иногда валяться и ощущать весь кайф **БЫТИЯ!**» По-моему, сказано очень верно.

Купив домик Сашки Монаха, мы сначала попробовали пожить в нём немного, чтобы понять, насколько нас притянет к себе присмотренное место. Поэтому в первое лето заказали строителям только новую веранду вместо развалившейся старой. Приезжали на пять-семь дней, всё нравилось, тогда жена сказала: «Нужен хозблок с водой — неудобно жить, спать и готовить в одной комнате, пусть и просторной». Стали прикидывать размеры пристройки, сколько метров нужно для кухни-столовой, сколько для туалета с водопроводной водой. Идея скромной пристройки быстро эволюционировала, потребности росли, подпитываясь нашей неуёмной фантазией.

— Хорошо бы балкон над верандой, чтобы наслаждаться видом озера, — промелькнуло у кого-то из нас.

— И с нашим мокрым климатом желательно крытый балкон.

— Действительно, неплохая мысль, — решили мы, — но как балкон построить без второго этажа?

— Значит, нужен второй этаж!

— Только для балкона?

— Ну почему же? Нарежем там отдельных спален для нас и для двух поколений детей — младших и старших!

Строить так строить, решили ещё сделать душевую (раз будет вода, надо ею пользоваться), второй, верхний, туалет и, конечно, помещение для котла — такой дом печкой не протопишь. Из хаты Сашки Монаха прорубили дверь в новую постройку, а старую отвели под гостей. Всю конструкцию объединил общий второй этаж, получился домина общей площадью метров сто девяносто. В ближайших деревнях таких не было. Как выразился один сосед-дачник, наш дом сильно увеличил капитализацию недвижимости в Попадьино. Польстил, конечно.

В общем, устроились мы тут основательно. Не забыли и про детские забавы: вместе с подрастающим поколением разровняли небольшое ничейное поле, поставили ворота, вот можно играть в футбол. Молодёжь едет сюда за пять километров. Набьются человек по восемь в одну обычную легковушку, ведомую единственным совершеннолетним игроком, и вперёд по просёлкам. Один раз даже на лодке приплыли, видимо, катались по озёрам и протоками да решили мяч погонять. А мячей у наших детей всегда в избытке. И зазвучали в Попадьино тёплыми летними вечерами голоса юных футболистов — вот тогда, наперекор всему, деревня молодеет. И не дождутся местные чиновники, записавшие в какой-то программе, что к двадцать пятому году она исчезнет. Им ведь что: баба с возу — кобыле легче, не надо электричество в рабочем состоянии поддерживать, дорогу нашу зимой чистить, газеты по подписке возить.

Но Попадьино переживёт, мы постараемся. И будем любоваться с балкона чудесными закатами, особенно прекрасными в начале мая, когда под лучами заходящего солнца заозёрные деревья становятся совсем другими, более разноцветными: березы и клёны, чуть подёрнувшиеся весенним лиственным туманом и подсвеченные солнечными лучами, ещё больше светлеют, а тёмные ели не поддаются и хранят свой мрачно-зелёный цвет. Так было, так есть и так будет.

Деревня жива своими людьми, пока живы люди, живёт и деревня. И даже те, кто уходит, оставляют о себе память, без которой наше Попадьино – не Попадьино. Они ведь его часть, без них бы не было ничего. Итак, о людях

ИЛЬИЧ

Как-то раз в самое первое лето в Попадьино, когда мы ещё лишь изредка приезжали в наш пока не обустроенный деревенский дом, пошли мы купаться на озеро. Компания составила немалая — я с женой, младшие дети, тогда ещё совсем мелкие, и мои старшие мальчишки-французы, навещавшие нас в далёкой России каждое лето. Большие искупались, маленькие побрызгались, и все вместе двинулись на гору — домой. На гору — одно название: так, спуск прямо с нашего угорка. Тут всё рядом. А навстречу нам не деревенского вида дама в купальнике ведёт симпатичного кучерявого мальчонку лет пяти. Ничего особенного, не одни мы приезжаем летом из шумных и суетливых городов в эти благословенные края дремучей тишины. Поздоровались, обменялись дежурными фразами:

— Как водичка?

— Хороша водичка, ну просто тёплый чай!

Двинули дальше, и тут дама невольно выдала имя мальчика:

— Анжело, побежали!

«Анжело?» — в некотором смятении подумал я. Это же итальянское имя. Здесь? Откуда? Или родители так поиздевались над дитём, вырастет, будет Анжело Фёдорович, например. Но нет, оказалось, мальчик из самой Италии, там живёт его мама, дочь той самой городской дамы, которую мы встретили у озера. Надо же, на двенадцать домов и двадцать человек, считая отдыхающих горожан, в деревню Попадьино судьба забросила двух несовершеннолетних французов и одного маленького итальянца. Вместе они составляли на тот момент шестьдесят процентов детско-юношеского контингента деревушки. Такая маленькая Европа в псковской глуши. Выяснилось, что Анжело гостил у своего прадедушки и, по совместительству, нашего соседа Михаила Ильича Дегелева. Он очень любил приезжать к деду Мише, но мешала аллергия на сырость в старой, не топленной всю зиму избе. Потому что Ильич тоже стал почти городским жителем.

Как уже было сказано, в нашей деревне людей немного, некоторые приезжают только на лето, а осенью возвращаются на зимние квартиры. Ильич принадлежал именно к этой категории жителей Попадьино. Жена умерла давно, ещё в девяносто восьмом году, и с тех пор он постепенно стал сворачивать хозяйство в деревне. Со временем дочь с мужем купили ему однокомнатную квартиру в престижном доме с видовыми апартаментами, где жили сами, и вниманием тоже не обделяли. Тем более, что зять Серёжа рано потерял своих собственных родителей, и от старшего поколения у четы Шатиных остался один Михаил Ильич. Каждую осень он устраивался в своём городском жилище и проводил там долгую питерскую зиму. Зять привозил продукты из магазина для нехитрой Ильичёвой стряпни, дочка Галя баловала разносолами собственного приготовления. Ильич коротал часы за чтением газет и телевизором, иногда навещал Галю с мужем. Мелкие домашние дела и курение сигарет поглощали остальное время. Подымить он любил на общем балконе этажа, откуда открывался прекрасный обзор исторической части Петербурга: тонкий шпиль Петропавловки и величественный Исаакиевский собор среди замысловатого переплетенья рек и каналов, улиц и площадей.

Оттуда даже убогая гостиница «Ленинград» смотрелась как величественный круизный лайнер. Ильич наслаждался картиной, но ничто не могло заменить ему скамейку около веранды деревенского дома, с которой и видать-то только сараи да четыре соседних избы — хаты, на языке тамошних поселян. И дело было не в скромном обаянии сельской улицы и даже не в тишине, прерываемой только птицами. Там, в деревне, он жил у себя, сидел на своей скамейке около дома, построенного своими руками, около яблонь, которые сам сажал вместе с женой. Там он всё знал и всё умел, хотя теперь здоровье и не позволяло воспользоваться самыми разными умениями и навыками. А в городе он путался в кнопках лифта, забывал где какие функ-

ции у микроволновки. Тут тоже всё было его, но не свое — чужое, принадлежащее какому-то другому миру.

Ильич обычно приезжал в Попадьино в мае. Из Питера поезд довозил его до районного центра, небольшого города с не очень русским названием Невель, потом или знакомый подбрасывал до места — всего десять километров оставалось — или такси подвозило. В деревне дел хватало: вначале привести в жилое состояние дом после зимы, хорошенько протопить его, проверить все другие постройки — баню, два дощатых сарая, металлический типовой гараж — за зиму обязательно что-нибудь оторвётся или отвалится. В саду тоже хватало работы — обрезать сухие ветки на деревьях, проредить малину, которая каждый год норовит занять всё больше пространства, да ещё хотя бы перед домом сгрести и сжечь старые листья. От посадки картошки и других овощей Ильич быстро отказался. Ему они в таком количестве были без надобности, приходилось вызывать зятя с машиной, чтобы привезти урожай в Питер, и запасти их лишь на первое время (хранить-то всё равно нигде). Сергей приезжал, но всякий раз посмеивался:

— Папа, — похоронив отца с матерью, Сергей стал вслед за Галей так звать тестя, — я, конечно, понимаю, что лучше невельской картошки может быть только самогон, сделанный из неё, но можно я тебя в следующем году ананасами с киви кормить буду, это мне выйдет немного дешевле!

— Серёжа, ну, как же, не бросать ведь? Да и что мне эта киви с ананасой, картошечку я сам поджарю, а уж Галчонок из неё и вовсе царское блюдо сделает.

Ильича в молодости много носило по стране, поэтому в его речи местный говор почти не слышался, но произносить некоторые слова на свой манер он любил.

— Папа, я буду покупать тебе только молодую картошку, она теперь у нас круглый год продаётся, ты будешь ею завтракать, обедать, ужинать, заедать чай и то, что покрепче тоже! А ещё её можно в хлеб добавлять, говорят, очень полезно! Продают же зерновой хлеб, почему бы не картофельный?

— Сержик, ну давай в этом году возьмём, всё равно приехали, а в следующем папа только чуть-чуть посадит. Да, папочка? — Галя всегда находила выход из трудных положений. Тем более, что и без картошки всё равно нужно много чего везти, а место оставалось.

Ильич нехотя соглашался, да и как он мог не уступить дочке, которую всю жизнь называл ласково «Галчонок» или даже «ребёнок», хотя у «ребёнка» по имени Галина Михайловна уже собственный внук завёлся.

Ильич вскоре и сам привык к отсутствию огорода, оказывается, без него вполне можно жить. И здоровье не давало забыть о возрасте, с годами стало труднее ходить, пошли проблемы со зрением. Дальше белого «Газона»-автолавки, извещавшего о своём приезде каждую среду длинным бибиканьем, Ильич уже не передвигался, зато из Невеля по субботам ему привозил продукты на выдавшей виды «Ниве» бывший Галин одноклассник, Коля. Когда-то давно очень красивая девочка Галя стала его первой любовью и, несмотря на прошедшие с тех пор десятилетия, Николай, обзаведшийся в положенный срок собственной семьёй, был безотказен и выполнял любую её просьбу. Она, конечно, не злоупотребляла этим, но кто ещё поможет Ильичу починить забор, срубить засохшее дерево и раз в неделю приедет из города с колбасой, консервами, сахаром для самогона и хлебом? Галя с Серёжей зависели от отпуска, и его хотелось использовать не только для выезда в деревню. Поэтому Коля был незаменим. Он, уже сам сделавшись дедушкой, по первому Галиному зову бросал семью, оставлял свои два магазинчика и нёсся на помощь Ильичу. Такие вот чудеса творит с людьми любовь. Особенно, если она первая.

Но и без Коли Ильич был готов достойно встретить трудности. Он сам прибирался в доме, готовил, мыл посуду, топил печь, а в наших краях иногда приходится это делать даже в июле, мастерил по мелочам, пока позволяли глаза. Кабы не ноги и зрение, его деятельная

натура нашла бы себе разнообразные занятия. Он бы сам перебрал и крышу сарая, и свой старый «Запорожец» без регистрационного номера, пылившийся в металлическом гараже. А так только продал его за символическую тысячу рублей знакомому мужику помоложе. Тот быстро наладил чудо советского автопрома с задним расположением двигателя, за что в народе его называли «танком», и мотался по лесным дорогам, где нет ГАИ.

Но самым важным занятием Ильича было самогонование. К любому делу надо подходить ответственно, отношение Ильича к процессу приготовления самогона было не просто ответственным, оно было уникальным, поскольку именно это занятие придавало ему самому значимость в глазах других. Старикам нужно чувствовать себя полезными собственным взрослым детям. Ведь в повседневной жизни они часто зависят от них. Так и Ильич в Питере не был самостоятелен и без Серёжи с Галей не мог управляться со всеми бытовыми делами. Зато три-четыре месяца в году, в деревне, Ильич не только избавлялся от этой зависимости, но и обеспечивал всю семью ценным напитком на целый год! А когда посчитали, что проще возить аппарат на зиму в Питер, то это занятие стало скрашивать его долгие зимние вечера. Поэтому роль «папы» в организации семейных и дружеских празднеств в семье Дегелевых — Шатиных переоценить трудно. Ведь никакого другого крепкого алкоголя на стол не ставили и не употребляли (за исключением привезённых друзьями из разных стран сувенирных напитков). Самогон «от папы» наливали всем без исключения гостям, а среди них встречались и артисты, и чиновники высокого ранга. И даже те, кто в плену предубеждений, поначалу отказывался, ссылаясь на несуществующие болезни, вскоре не стеснялись принимать бутылочки «от Михаила Ильича» в подарок. Галя только просила по возможности вернуть пустую ёмкость, ведь по понятным причинам в их семье всегда ощущался дефицит тары, особенно красивой.

Для приготовления самогона Ильич выбирал день, когда его никто не будет беспокоить. Он так и говорил: «Завтра буду варить». Это означало, что лучше к нему не заходить. Только один раз, после неоднократных просьб, меня допустили до этого священного таинства. И я был вознаграждён за терпение. Стоило посмотреть и на устройство, и на самого Ильича. Когда я пришёл, Ильич следил за работой своего аппарата. Я поразился изменению, происшедшему с моим соседом. Он весь преобразился — из восьмидесятилетнего старика, с трудом передвигающего ноги, он превратился в оператора атомного энергоблока, не иначе. Движения его были точными, размеренными, речь чёткой, отрывистой, мысли логичными и последовательными. Важность происходящего не могла укрыться от постороннего взгляда. Он был на своём рабочем месте или даже на боевом посту! Ильич руководил работой целой производственной линии!

Изготовление самогона представляет из себя настоящий технологический процесс. У Ильича он выглядел так: в большой кастрюле на плите кипела брага, пары по трубочке поднимались в некое подобие змеевика, заключённого в цилиндрический металлический кожух, вроде того, что имел легендарный пулемёт «Максим». Надо сказать, что всю конструкцию Ильич сделал сам, среди его многочисленных специальностей и умений имелась и квалификация сварщика. Поэтому вместо спиралевидного змеевика он взял просто трубочку подлиннее и кожух сделал соответствующий. При помощи гибких шлангов подсоединял его к водопроводному крану, и процесс конденсации горячих паров спирта шёл на внутренних стенках трубки — вокруг неё текла проточная, холодная вода. Никаких манометров, термометров — всё делалось на глазок, Ильич следовал выработанной годами интуиции, надо — прибавлял огня, надо — сильнее открывал кран с водой.

Наш сосед, в отличие от большинства жителей Попадьино, довольствовавшихся уличной колонкой, в своё время позаботился о том, чтобы к дому подвели деревенский водопровод. Не иначе, как, главной причиной появления в избе трубы с водой стала необходимость охладить спиртовые пары, ведь даже уборную он не переделал, оставив обычную дощатую будку с ямой. Корове тоже можно наносить воды в стойло, а вот самогонному аппарату — с годами всё

труднее. Пройдя по заменителю змеевика, драгоценный продукт капал в ёмкость, где некоторое время отстаивался. Самогон получался превосходного качества. Первый глоток, правда, не вызывал большого энтузиазма, казалось, что жидкость сильно отдаёт плохой водкой, но уже со второй рюмки это ощущение терялось, оставался только вкус ароматного и в то же время бесконечно деревенского напитка. В общем, первая колóm, вторая — соколóm. Не говоря уже о мужчинах, многие женщины, обычно не употреблявшие водку даже в полевых условиях, не отказывались вкусить этого волшебного эликсира. За неординарность вкусовых качеств мы назвали продукт «Ильичёвкой».

Магазинной водки Ильич не признавал, вино и пиво тоже не уважал, ценил только свой продукт, но и им не злоупотреблял. «Да что ты это вино всё пьёшь, нету в нём вкуса никакого! — говорил он Гале, — Выпей лучше моей!» Два мерных стограммовых стаканчика вечером, наполненных по самый край, составляли его норму. Иногда, по случаю приезда Гали с Серёжей, или придя в гости к нам, за компанию («Владимирыч, ну давай ещё по одной!») он мог выпить значительно больше. При этом никогда не терял контроля над собой и всегда самостоятельно добирался до дома. Лишь на следующий день выдавал себя признанием: «Вчера я был никакой!». Ильич умел шутить, в том числе над самим собой.

Общение с людьми придавало ему сил, он прожил интересную жизнь, и ему было что рассказать. Пацаном встретил войну, его отца из-за стрижки «под Котовского» немцы, зачищавшие деревню от прятавшихся окруженцев, отправили на «Жидов луг» — большое поле неподалёку от края поселения, где уже сидела, лежала, стояла огромная масса бойцов Красной Армии. Немало местных мужиков составило его отцу «компанию», их не успели призвать наши, и вот они, без вины виноватые, попали в место, откуда верная дорожка в концлагерь. Но деревенские бабы как-то уболтали охранников отпустить своих мужей, то ли салом с самогоном, то ли ещё как, теперь об этом уже никто не узнает. Потом девятилетний Миша с мальчишками постарше стрелял из найденного в лесу оружия, брошенного солдатами перед сдачей в плен. Наводили страх даже на взрослых, и местный полицай не требовал, а уговаривал, почти умолял ребятишек сдать оружие, пока немцы не заберут силой и не спалят все дома в наказание.

После освобождения тоже не обошлось без ненужных казусов — из леса, где пережидали бои, пришли в свою хату, обрадовались, что стоит, хоть пустая совершенно и без пола. Переночевать отправились к родственникам в соседнюю деревню, рассчитывая за следующий день соорудить временные лежанки и протопить печь. Наутро увидели лишь печку, избы и след простыл — какая-то тыловая часть за ночь разобрала пустовавшее строение на брёвна для конюшни. Долго пришлось маяться по землянкам и чужим домам, пока не отстроились. После седьмого класса Миша Дегелев уехал учиться в школу ФЗО в Белоруссию, потом служил в армии, возил хлеб на целине, наконец, вернулся в колхоз, женился на своей ровеснице, построил добротный дом с бетонным подвалом и завёл хозяйство — сад и огород соток на сорок, корову и домашнюю птицу. Всю мужскую работу делал своими руками, потому что умел, вырос в деревне, когда один не мог осилить — звал на помощь младшего брата или отца.

Ильич в своё время вместе с соседом, Сашкой Голубевым, построил и нашу избу, Сашка и поселился там с молодой женой. Может, ещё поэтому Михаил Ильич любил заходить к нам, посидеть в тёплые летние дни на террасе и выкурить там *табаки*, поговорить с моим отцом, рассказать свои истории, послушать наши. Живая и энергичная его натура не переносила вынужденное безделье, а поход в гости, пусть всего за пятьдесят метров, был целым мероприятием, по случаю которого Ильич мог даже приодеться.

Мы познакомились с ним летом десятого года. Только-только стали осваиваться в купленной у вдовы давно спившегося Голубева избе, бывали в ней наездами, поездом или на машине, на несколько дней. В самый первый приезд обнаружилось, что не позаботились о наличии спичек, а до магазина два километра пешком (автомобиль остался в Питере). Я послал

пятилетнего Матвея в соседний дом — там в окошке горел свет. В деревне так делается, можно при необходимости и за водкой ребёнка отправить, все друг друга знают — раз пришёл с такой просьбой — значит, родители послали. По присущей мне некоторой щепетильности наказал сыну попросить спичек только для того, чтобы разжечь огонь и потом вернуть коробку. Но он прибежал обратно со словами: «отдавать не надо!» Спички, конечно, мелочь, но на тот момент Ильич меня даже не видел, ребёнка послать вместо знакомства это уже наглость, но, видать, мы крепко увязли в обустройстве хозяйства, раз я пошёл на такой шаг.

Поэтому закончив первоочередные дела, я решил нанести визит вежливости, на всякий случай захватил коробку спичек, которую Ильич, конечно, назад не взял. Меня встретил довольно бодрый, плотного телосложения старик (ему тогда шёл семьдесят восьмой год) выше среднего роста с редкими, коротко стриженными седыми волосами на голове. Широкая, крестьянская кость и натруженные крепкие руки говорили сами за себя, за спиной у нашего нового знакомого остались годы тяжёлого физического труда и непростая жизнь колхозного механизатора, плотника и сварщика в одном лице. И только глаза искрились если не молодостью, то жизненной силой отнюдь не старого человека. Это были глаза не старика, которым Ильич внешне выглядел, а человека, сохранившего в душе и юношеский запал, и энергию, и не подвластный никаким годам интерес к женщинам.

В последнем однажды пришлось убедиться. В следующем году с нами в Попадьино приехала подруга жены. Как-то сидел я с ней на скамейке за вкопанным в землю деревянным столом, который нам соорудили местные умельцы, прямо напротив Ильичёвой усадьбы, пили чай на солнышке. В своём дворе показался Ильич — заборы у нас в деревне практически отсутствуют — и направился к нам. Рассмотрев рядом со мной молодую женщину (зрение позволяло ему проводить такие смотрины только метров с пяти-семи), он тут же буквально расплылся в широкой, в пол-лица, улыбке, адресованной, конечно, не мне. И дальше уже не сводил взгляд с «предмета». Я не обиделся и стал их представлять друг другу:

— Настя, — сказал я, протянув руку в ту сторону, где сидела наша гостья.

Ильич продолжил процесс знакомства, даже не дожидаясь моего жеста в его направлении, хотя городские манеры прекрасно освоил за долгие зимы в Питере на дружеских вечеринках у дочки с зятем.

— Михаил, — произнёс он, растягивая улыбку дальше некуда, совсем как голливудский актёр, и, не сводя глаз с «предмета», протянул руку лодочкой (попробовал бы он деревенской тётке так выставить свою пятерню, наверное, его бы приняли за совсем выжившего из ума старика!)

— Ильич, — добавил я, смущённый излишней, как мне показалось, скромностью соседа, ведь наша приятельница по возрасту могла годиться ему даже во внуки, — Михаил Ильич.

При этом я заметил, как Ильич слегка изменился в лице после моего вмешательства в процедуру представления молодой симпатичной женщине, но особого значения этому не придал. Далее последовал ни к чему не обязывающий обмен любезностями и новостями о погоде. И лишь когда наш сосед ушёл, Настя укоризненно посмотрела на меня и сказала:

— Вот, испортил человеку настроение. Ты зачем влез с этим отчеством! Видел бы, какие б...ские глазки представлялись Михаилом! А как ты про отчество вспомнил, огонёк сразу и потух.

Оказывается, в Ильиче ещё мог проснуться ухажёр. И действительно, почему нет? Человек в здравом уме и в восемьдесят лет должен сохранять интерес ко всему тому, что волновало его в течение всей жизни. «Кто бы спорил?» — как любил говорить Михаил Ильич, принимая предложение пропустить по рюмке.

Несмотря на почтенный возраст нашего соседа и то, что называют вредными привычками, мы не замечали у него никакого увядания организма или угасания сил. Ильич как бы законсервировался, каким он был при первой нашей встрече, таким и оставался. Да, он с тру-

дом ходил, да, один глаз у него почти ничего не видел, но другого Михаила Ильича мы и не знали. Он никогда не жаловался на болезни, разве что посетует на проблемы с ногами. Да и как можно было с ним говорить о болезнях? Ильич предпочитал другую сторону жизни — он любил её весёлую часть — шутил сам, смеялся над чужими остротами, рассказывал забавные истории. Возможно, упорное нежелание говорить о своих «болячках» (а они у него, конечно, имелись в наличии) и делало его более жизнестойким, более бодрым, помогало самому управляться в доме. Ильич мог и в гости к себе позвать!

Однажды нас удостоили такой чести. К нашему приходу он прибрался в доме, стол накрыл в «зале», угощал жареной картошкой с грибочками, капустой и другими местными разносолами. Весь ужин Ильич неспешно развлекал разговорами и рассказами про деревенскую жизнь в Попадьино в былые годы. Благодаря ему, мы начали представлять себе настоящие картины тамошнего быта и в воображении явственно вырисовывались образы людей, живших здесь до нас. Конечно, за разговором не забывали о еде-питье: самое почетное место на столе занимала, естественно, «Ильичёвка». Она имела большой успех. Моя жена, кстати, поначалу всячески сопротивлялась самой идее её пить — мы все читали художественную литературу и полагали, что, кроме мутной сивухи, иной самогон в деревнях встретить трудно. Поэтому в первый раз Юля пригубила только из уважения, однако очень скоро уже ни о чём другом и слышать не желала, если подавали дистиллят нашего соседа. Да и как можно было отказать этому старику, когда он, призвав на помощь всё своё природное обаяние, слегка жалобным голосом начинал уговаривать: «Ну, Юленька, давайте немножечко, а то нам скучно без женского общества бутылочку приговаривать!» В отличие от остальных деревенских знакомых, которые, обращаясь к нам, кроме обычного имени придумать ничего не пытались, Ильич демонстрировал, как говорят учёные люди, дифференцированный подход. Я у него был «Владимирыч» — и на «ты», или «Ванечка», тогда чаще на «Вы», так он соблюдал некий баланс, причём с «ты» мог легко перескочить на «Вы». А вот мою жену обычно звал «Юленька» и почти всегда на «Вы». Дамский угодник в нём не умирал никогда.

Казалось, Ильич — это обязательный атрибут Попадьино и неизменный участник наших застолий. Но однажды летом он не приехал. Потом выяснилось, что Серёжа не смог вырваться с работы, чтобы отвезти тестя, а на поезде Ильич ехать отказался. Зрение ухудшалось, и он остерегался сделать неловкий шаг в ночном вагоне, где всегда царит полумрак, а выйти покурить *табаки* ой как хочется. Такие случаи стали всё чаще, и время от времени Сергей-молочник, зная о наших дружеских отношениях с Ильичём, спрашивал меня, во всю протягивая фрикативное «г»: «Ти прыедя у хэтым ходе Мишка Дяхель?» По нашему молочнику можно составлять словарь местного диалекта, хотя мужик он не старый. Серёга моложе Ильича лет на тридцать пять, но в деревне так уж повелось. Коли мать, Ильичёва ровесница, говорит «Мишка», то и сын будет за глаза так называть.

В последний раз Ильич появился вместе с Галей и Серёжей всего дней на десять. Мы очень обрадовались их приезду. Накануне, играя с детьми в футбол, я вывихнул ногу и еле доковылял до остановившейся около нашей террасы серебристой машины.

— Ну вот, Ильич, теперь Вы, по сравнению со мной, просто мастер спорта по спортивной ходьбе, — пошутил я.

— Ой, Владимирыч, а что с тобой случилось? — местное твёрдое «ч» всё же иногда проскальзывало в речи соседа.

Когда я вкратце рассказал о своей беде, в разговор встрял неисправимый хохмач Серёжа:

— Зато теперь из вас двоих можно одну футбольную команду сделать — «Попадьинские гончие псы», например.

После двухлетнего отсутствия они долго приводили в порядок дом и участок. Потом Галя перестирывала постельное бельё, а Серёжа с Ильичом взялись поправлять фундамент бани.

Один раз я их застал за этим делом. С одной стороны земля перед баней была раскопана, и Сергей возился с цементом и камнями.

— Молодцы, какой фронт работ развернули! — вместо приветствия сказал я.

Серёжа ухмыльнулся и ответил:

— А мы давно на «Вы»? — Ильич стоял рядом и явно оказывал только теоретическую поддержку начинанию, куря свою извечную *табаку*.

В тот приезд стало заметно, что он сильно сдал — стал хуже ходить и видеть. Но на его жизнелюбии и участии в застольях по-соседски это никак не отразилось. Когда мы собрались у него во дворе отметить их приезд в родные пенаты, то по количеству употреблённой внутри «Ильичёвки» он совсем не отставал от более молодых партнёров по праздничному ужину и сидел с нами до упора, не пытаясь ссылаться на возраст и болезни. «Нет, Ильич ещё на свадьбе Анжело погуляет!» — думал я про себя.

Но жизнь его уже висела на волоске. Сначала они втроём перенесли тяжелейшую форму гриппа. Все попали в больницу, но Галя с Серёжей быстро встали на ноги, а вот Ильич никак не шёл на поправку, и из реанимации его выписали домой — умирать, лечебные учреждения не любят портить себе статистику. Галя ухаживала за ним, но Ильичу лучше не становилось, он лежал дома, без движения, весь бледно-серый, и лишь иногда заговаривал с дочкой. Однажды он не выдержал:

— Галчонок, а налей мне стаканчик, хуже не будет, так хоть удовольствие получу!

Галя не возражала, она в душе уже начинала смиряться с неизбежным. Только на следующее утро произошло чудо — дочь увидела порозовевшего и повеселевшего отца. С того дня дело пошло на поправку. Трудно сказать, какую роль в выздоровлении Ильича сыграла малая доза самогонки собственного производства, но факт остаётся фактом, похоже, именно он оказался тем катализатором, который дал сильный пинок организму, и тот стал выкарабкиваться. «Ильичёвка», оказывается, ещё и животворящая, если употреблять в меру!

Ильич умер ровно через год, опять зимние хвори сильно ослабили здоровье, опять грипп, опять осложнения, на этот раз в виде двустороннего воспаления лёгких. В больнице «Ильичёвку» не давали... Его отвезли на маленькое кладбище рядом с родной деревней, за пятьсот километров от Питера.

Там он и покоится. А Галя с Серёжей большую часть года проводят в Италии, где у них дочь и внук, в Питере их почти ничего не держит — Серёжа уже не работает. Теперь они пьют терпкое тосканское вино, но, наверное, иногда им хочется пропустить стаканчик «папиного». Самогонный аппарат простаивает в городской квартире, а в Попадьино одиноко и печально хиреет изба с цифиркой «6» на деревянной табличке, невидящим взглядом смотрят на внешний мир через заколоченные ставни её глаза — окна, чахнет когда-то обширное хозяйство Ильича. Непогода заливает косыми дождями постройки, ветер треплет их уставшее дерево. Всегда первая даёт слабину крыша — буря сорвала два листа шифера с бани. Нараспашку открыта дверь старого сарая — никто туда не влезал, ничего нет внутри, кроме ненужного хлама, отворилась сама, разошёлся дверной проём. Другой сарай трещит по швам. Хозяева не навещают свою усадьбу, не занимаются ей уже два года.

Пока был жив Ильич и приезжал на лето, был присмотр за хозяйством, а теперь и его нет. Галя с Серёжей обещают не забыть родительский дом, но что выйдет из этой затеи — неизвестно. Почему-то кажется, что без Ильича дело не пойдёт. И не потому, что он им сильно помогал советами опытного человека и в былые времена мастера на все руки. Нет, просто без него их деревенская жизнь теряет смысл, лишается стержня, на котором держится всё. Дерево с подрубленным стволом начинает сохнуть и может умереть. Как бы такая судьба не стала участью дома, что ещё напоминает об Ильиче. Ведь недостаточно хотеть, уметь и иметь материальную возможность сделать что-то. Нужно ещё просто быть, быть на своём месте, испытывать

к нему притяжение. Вот Ильич там **был**, это **было** его, а у Гали в Италии дочка и внук да ласковое южное солнце. Мне редко хочется, чтобы я ошибся, но это как раз тот случай.

Апрель 2017

ВИТЯ ВОЛЧОК

Настоящая фамилия нашего соседа Волков, но в деревне любят давать прозвища. Маленького роста, сухонький — вот и получилось такое уменьшительное прозвание. Как он сам любит повторять: «Супчик жиденький, но питательный, а я худенький, но старательный». Не только старательный, но ещё и жилистый. Когда я попросил его привезти из леса (а он у нас повсюду, стоит только выйти за околицу) пять осин по два с половиной метра для общественных нужд, он их припёр на своём мотоблоке один, хотя я предлагал и очень настойчиво свою помощь. Сгружали осины вдвоём, одна была вообще тяжеленная, я еле-еле её двигал, а он в одиночку их закинул в невысокий кузов своего транспортного средства. По деревне кочует наша лестница, она самая длинная здесь, все таскают её на пару, а Волчок не кряхтя легко носит один. Думаю, в соревнованиях по переносу тяжестей он легко переплюнул бы дипломированного культуриста, там ведь больше видимости, чем реальности. Люди считают, что истерзанное мускулатурой тело — это красиво, вот и стараются, а накаченная фигура, может, это как силиконовые груди — картинка одна, а толку мало. Во всяком случае у Вити Волчка мышц вообще не наблюдается, а сила есть. Создаётся впечатление, что все килограммов 50-55 его веса приходятся на какие-то внутренние мускулы.

Витя на пенсии, работал сварщиком, до сих пор его зовут варить какую-нибудь трудную вещь. Но и без этого он целый день в трудах и заботах: огород, кролики, проверка сетей, сено для соседа с коровой, у них своеобразный бартер, помощь зятю с дочкой в ремонте унаследованного женой дома, который все в деревне называют Тамаркиным, по имени покойной

владелицы. Там, кстати, лучше всего берёт интернет, и, бывает, что мы, совсем замучившись загрузить какую-нибудь фотографию, идём к «Тамарке» и садимся на вынесенную новыми гостеприимными хозяевами колоду — бывшую потолочную балку. Тут внезапно и появится откуда-то из нутра хаты Витёк со своей неизменной белорусской сигаретой в зубах из пачки под громким названием «Імпатэнція» да посоветует: «А ты на крыльцо иди, здесь ещё лучше ловит!» В позапрошлом году он в одиночку отремонтировал фундамент, залив его рассыпавшиеся камни цементом, потом ещё заменил несколько венцов. Зять делает «внутрянку», видимо, все посчитали, что такая ерунда как ворочать здоровенные валуны фундамента, вытянуть толстенные, но подгнившие под окнами, брёвна проблема не шибко сложная, вполне по силам одному Вите. А он и решил её, только горбиться ещё больше стал. Вообще я не знаю какой-нибудь деревенской работы, которую наш сосед не умеет делать. Бывает, ковыряешься неумело с чем-нибудь, подойдёт Витя, поглядит-поглядит сверлящим взглядом своих маленьких, глубоко посаженных голубых глаз, покачает головой да скажет: «Зачем же так? Не на-адо, —он обычно протяжно произносит это слово, —от работы конидохнут!» Тут же покажет, как правильно на-адо или сам сделает, отодвинув тебя властным жестом не по росту длинных, словно вытянувшихся от тяжёлой работы жилистых рук.

Однажды увидев мои мучения с электрическим триммером в густой траве, Витя подарил мне косу из своих запасов — раньше в сенокос по выходным к ним приезжало человек восемь родственников, братьев, дядёв, племянников. Для каждого была коса. Презентовав мне сей нехитрый инструмент, он заодно терпеливо обучал косьбе и, в качестве примера, выкосил больше половины площади перед домом. Спокойно так, размеренно, без спешки, вжик-вжик, не напрягаясь, с минимальной затратой энергии: остановится, поточит косу, продолжит. Получаса не прошло, а мне уже почти ничего не осталось.

За Витей повсюду следует Чопа, одна из трёх его собак. Чопа —некрасивый, ушастый, маленький, довольно глупый и, мягко говоря, неприветливый пёс. Когда ты приближаешься к Витиному дому, а иногда даже метров за пятьдесят до хатки Волковых, он начинает отчаянно лаять, изображать готовность ринуться на тебя и растерзать в клочья. На самом деле, он трус ещё тот, но, согласитесь, мало приятного в картине ощерившегося пса, который несётся на тебя, особенно когда обнаруживаешь его у себя за спиной. Поэтому Витя иногда привязывает Чопу, уравнивая его в правах с главным хранителем их усадьбы Максом, тот покрупнее, и голос у него более зычный, а посему обречён всегда сидеть на цепи. Но Витя больше привечает своего Чопу, это его пёс, он с ним разговаривает, вторая мелкая собачонка в их хозяйстве — такая же ушастая недотакса Соня угольного цвета, наверное, больше нравится Витиной жене — Прасковье. Любит подержать её на руках, совсем как котёнка, и дочь Надя, когда приезжает с мужем заняться Тамаркиным домом. Но Витин Чопа, кажется, завладел самым важным местом в иерархии собак Волковых. Он не просто следует за хозяином, он сопровождает Витю, это его компаньон: хозяин пошёл к колодцу за питьевой водой — Чопа за ним, двинул Витя в поле, и Чопа туда же. Витя ему даже присвоил что-то вроде фамилии. Во всяком случае одно слово очень часто следует за именем этого беспокойного пса. Когда Чопа выбегает со двора, пытается накинуться на проходящего, принимается громко, не по размеру своему, лаять, тогда откуда-то изнутри следует грозный Витин окрик: «Чопа б...ь!» На пса это действует, наверное, и всего-то нужно, чтобы к его имени добавили это нелицеприятное определение. Теперь мы смеёмся и порой называем его так, когда он, отпущенный погулять приближается к нашему двору.

Правда, на самом деле, Чопа б...ь» это всего лишь стиль Витиной речи. Он сдержан в разговоре с незнакомыми людьми, обращается на «Вы», хотя в этих местах принято каждому встречному-поперечному сразу тыкать. Зато со знакомыми он не церемонится, обильно сдабривая короткие фразы свои ненормативной лексикой. Ничуть не смущает нашего соседа и присутствие женщин или детей. Главное, чтобы речь его была обращена не к представительницам слабого пола, а то, что они рядом стоят и всё слышат — так это ерунда. Похоже, он сам не

замечает, насколько сильно въелась самая примитивная нецензурщина в его обыденную речь, иногда получается даже несколько комично. Вот как-то заболела у него травмированная давно нога, проблему устранил просто — обмотал болячку листьями лопуха раза три, и прошло — такой дешёвый курс лечения. А историю самого происшествия примерно так мне рассказал: «Они мне балку двутавровую на х..., —а я, б..., кричу:

— Куды ты, б..., мне её на х... бросаешь!

А он, б...:

— Отойди, б..., кидаю на х...!

А я, б...:

— Куды я, б..., отойду на х..., асвалт ведь. А КамАЗ, б..., машина, на х..., большая б...!

А он, б...:

— Кидаю на х...!

Вот мне на х... и попала на ногу б...!»

В общем, нельзя сказать, что речь Вити богата и разнообразна. Тем не менее это не помешало ему общаться с нашим американским гостем Джеймсом. Витя по-английски ни слова, Джеймс по-русски -три-четыре, а понимать друг друга им каким-то чудесным образом удавалось. Витя научил Джеймса косить, дал ему два урока, объяснял примерно так:

— Да не загребай, твою мать, так много, бери, б...ь, меньше!»

И показывает как.

Воспитанный до редкой для американца учтивости, при малейшей же возможности говоривший нам «спасибо», «пожалуйста», Джеймс отвечает:

— Харашо, б...ь, less!»

Вообще с Джеймсом они, несмотря на языковой барьер, крепко сдружились. Джеймс даже однажды прихватил бутылку водки из кухонного шкафа и пошёл в гости к Вите, там они её «раскатали» на двоих под разговорчик. Общение, правда, тогда получилось более содержательным, поскольку подросла не пьющая крепких напитков переводчица из числа наших гостей. Надо себе представить постоянно улыбающегося американского мультимиллионера, закусывающего водку солёным огурчиком и жареной рыбой, в тесной избёнке простого российского деревенского пенсионера. Старый стол накрыт прорезанной местами клеёнкой, рядом плохо прибранная Витина железная кровать вдоль печки (так теплее спать зимой), из соседней комнатухи доносится недовольное рычание Сони. Вот такая картина. Жены дома не было в тот вечер, она работала «бабушкой». Прасковья не жалуется Витины застолия, на то у неё бывали основания, но, наверное, американца она бы не прогнала.

Витя выпить не прочь, особенно за компанию, но бывает предложишь пропустить по сто грамм, он откажется: «Куды там, работать надо!»

Не могу сказать, что у Волковых дружная семья, но в огороде и на поле их часто видишь вместе, иногда этого требует работа — один косит, другая сгребает, иногда нет необходимости, просто так привыкли. Проня ведёт хозяйство, а Витя обеспечивает его всем необходимым — дровами, рыбой, ягодами, которых он в сезон приносит в заспинной котомке невероятное количество, ещё кроликов балует свежей сочной травой.

Целые дни в летнюю пору проходят у Волковых в трудах и заботах, слово «воскресенье» им ничего не говорит. Встают рано, часов в пять-шесть, ложатся после десяти. Когда выдаётся свободный час, Витя идёт «по рыбу», то есть проверить сети — такая у него каждодневная обязанность. Сети для Волковых — один из главных источников пропитания. Поэтому браконьерством это назвать нельзя. Они всегда тут ловили так, это озеро их отцов, дедов и прадедов, и если где-то там, в Москве решили, что это неправильное расходование рыбные ресурсы, то пусть неправильным оно будет для приезжих, городских из районного центра, да из других мест. Было время, когда распоясавшиеся браконьеры вообще били рыбу электроудочками, особенно преуспели в этом отвратительном «спорте» гости из соседней Белоруссии — у них браконьерство Батяка прижал, они в наши места и рванули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.